

УДК 316.334.3:343.8

САМООРГАНИЗАЦИЯ ОСУЖДЕННЫХ В ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ СИСТЕМЕ РОССИИ

В. Ф. Лелюх, А. Э. Позднякова

SELF-ORGANIZATION OF THE CONVICTED IN THE RUSSIAN PENITENTIARY SYSTEM

V. F. Lelyukh, A. E. Pozdnyakova

В статье рассматривается несоответствие правового положения осужденных, установленного государством, и фактически действующими «моральными нормами», вносимыми осужденными отрицательной направленности в повседневную жизнь и быт осужденных.

Это неформальная сторона жизни осужденных оказывает решающее влияние на микроклимат в их среде, строго конспирируется от администрации колонии, задача которой состоит в выявлении и нейтрализации подобных «норм – правил», «норма – запретов», устанавливаемых лидерами преступного мира.

Describes a discrepancy right of convicted persons, established by the State, and actually in moral norms ", made by convicts into everyday life are negatively oriented and Gen.

This informal side of life convicts has a decisive influence on microclimate in their midst, strictly konspiruetsâ from the administration of the colony, whose task is to identify and neutralize such "norms, rules, rule bans imposed – the leaders of the criminal world.

Ключевые слова: самоорганизация осужденных, места лишения свободы, отверженные, лидеры отрицательной направленности, «семья» осужденных, «вор в законе», «свояк», «пацан», «блатной», «мужики», приспособленцы, «стукач».

Keywords: self-organization of convicts, detention, Les Misérables, the leaders of the negative direction, "family", "thief in law", "brother-in-law", "kid", "progressive", "men", "snitch" adoptionists.

Особенностью пребывания осужденных в местах отбывания наказания является их несоответствие правовому положению, определенному государством, и моральным «нормам», вносимым самими осужденными в условия жизни исправительных учреждений (ИУ). Это оказывает решающее влияние на неформальную сторону жизни и быта осужденных. Формальная сторона нахождения в исправительных учреждениях нацелена на то, чтобы все сферы их жизни могли быть предметом контроля и вмешательства.

В исправительных учреждениях так называемая личная жизнь сохраняется и течет в зависимости от принадлежности осужденных к тому или иному уровню иерархии их общества или тому или иному неформальному объединению. Эти процессы хотя и касаются жизненных интересов осужденных, но протекают относительно незаметно для администрации и базируются не на формальных предпосылках, а традициях и ценностях среды осужденных. Их основой в исправительных учреждениях являются: криминальный опыт, авторитет и широта контактов в преступном мире, длительность и частота пребывания в колониях, знание правил и законов преступного мира и их соблюдение, ловкость и умение обманывать представителей администрации, следственных органов и суда, пренебрежение к труду и общественной морали, культ физической силы.

При этом следует придавать большое значение социально-психологическим явлениям, свойственным неформальным группам и личностям, взаимодействующим в этих группах. В этом плане микросреда осужденных подразделяется на большие и малые неформальные объединения (группы) по национально-этническому и территориальному признаку («землячества»), по виду деятельности лично-

сти, преступлению, возрасту, интеллекту и т. п. Выделение этих групп условно. В основе их объединения лежит предубеждение осужденных о мнимой незащищенности в колонии от физически более сильных и «авторитетных» лиц и возглавляемых ими негативных группировок.

В любом исправительном учреждении, в т. ч. в тюрьме и следственном изоляторе, существует несколько каст, т. е. микрогрупп разного статуса – «достоинства». Количество основных каст, как и мастей в карточной колоде, – четыре (красные, черные, серые, голубые).

Ка́ста, находящаяся на вершине преступной иерархической лестницы, – отрицательная часть осужденных – «воры в законе», «углы», «паханы», «блатные», «черные», «отрицалово». Сами себя «черные» так не называют. В переписке и в разговорах между собой и с друзьями-«сидельцами» они называют себя «братвой», «людьми», «бродягами», «босяками», «правильными пацанами», «арестантами», «жуликами», «терпигорцами», «путевыми», просто – «пацанами», в начале двадцатого века – «жиганами» или «огольцами».

По характеру уголовной квалификации – «фармазоны», «фраера», «торбохваты», «мужики ломом подпоясанные», «беспредельщики».

Попасть в элиту преступного мира, т. е. быть зачисленным в касту «блатных», «черную масть» весьма и весьма трудно. «Блатной» должен признавать тюремный закон, следовать «правильным понятиям», быть «чистым» по вольной жизни, не заниматься ничем, кроме своего ремесла, избегать «мокрых» дел, помогать «братве», оказавшейся в трудном положении, учить «правильной жизни» молодёжь, уметь играть в карты, жить вне законов, устанавливаемых властью (не прописываться, не реги-

стрировать брак, не ставить свою подпись под документами), стремиться уйти в бега, не дожидаясь конца срока. Раньше путь в высшую касту был закрыт для тех, кто служил в армии, кто хоть раз «взял в руки лопату», т. е. вышел на работу. Сейчас эти требования кое-где отменены. Не могут стать «блатными» и те, кто на воле работал в сфере обслуживания (официанты, таксисты, т. е. «шестерки»). Бывшее начальство – тоже. Есть еще масса других требований к претендентам на статус «блатного». В каждой колонии могут быть свои, особенные требования. Следует, однако, добавить, что в последние годы в «блатном мире» происходят те же метаморфозы, что и во всем российском обществе.

Стать «вором в законе» – надеть «корону» – так же трудно, как стать в армии генералом, в искусстве – народным артистом, в науке – профессором. С одной лишь разницей – у «вора в законе» больше привилегий и прав по его воровской должности: все, что он потребует, должно быть выполнено безусловно, вплоть до убийства любого гражданина (кроме себе равного – «вора в законе»), такое решение может быть принято только на воровской сходке с участием «обвиняемого» при наличии «состязательности» двух заинтересованных сторон, с привлечением свидетелей и фактов, подтверждающих серьезность проступка обвиняемого «вора в законе»). Развенчание «вора в законе» – процедура сложная, трудная, и она чревата для инициатора летальным исходом, если он не докажет виновность своего оппонента.

«Вор в законе», или просто «вор» – это высшая ступень воровского олимпа. Выше не бывает. Своего рода посвященный. Само понятие «вор» для преступного мира свято. «Ворами» называют только тех «блатных», которые были «коронованы» и приняты в сословие со всеми подобающими процедурами: своеобразным «кандидатским стажем», рекомендациями, собранием других «воров» – «сходкой».

Звание «вора» ко многому обязывает: он до конца жизни не может отойти от избранного образа жизни, снять с себя принятую однажды ответственность. «Вором» может стать тот, кто до этого был «свояком».

«Свояк» – это кандидат в касту «воров», еще не признанный на сходке. Отошедшего от воровского закона «вора», но в отличие от «суки» не изменившего ему, называют «прошляк» («вор» в прошлом). В колонии «прошляк» пользуется авторитетом. Может присутствовать на «сходняхках».

«Пацан» – это тот, кто на воле уже был «блатным», но в колонию попал впервые, т. е. это «блатной», который находится на общем режиме. Придет «пацан» на строгий режим, там он будет называть себя «арестант», «бродяга». «Пацан» – фактически первая ступень в блатной иерархии, потому что на общем режиме не бывает «воров» и «свояков»: мало «ходок» – мало воровских заслуг, невысокое звание и признание в уголовной иерархии.

Блатной мир – мир особый, попасть туда без рекомендации и всесторонней проверки постороннему

трудно, практически невозможно. Поэтому так много всегда было приблатненной публики, «полуветных», как их еще называют. «Блатные» не принимают «полуветного» за своего, хотя он норовит усвоить их ухватки и прослыть «блатным». «Черные» таких своими не признают, в касту «блатных» не включают. У «блатных» есть свой боевой отряд для «разборок» и устрашения заключенных из других микрогрупп. Зовут их «атлеты», «бойцы», «гладдиаторы». Это спецназ «блатных». Осужденные, объединенные в «землячество» (круг), оказывают друг другу моральную и материальную помощь в решении конфликтных ситуаций. Границы «землячества» довольно расплывчаты. Да и не все осужденные относят себя к тому или иному «землячеству» и прибегают к помощи «земляков». Эти большие группы, как правило, быстро выявляются администрацией.

И все же особое место в ИУ занимает малая группа («семья»), которая оказывает непосредственное воздействие на формирование личности, строится на личностных контактах. Права и обязанности ее членов не имеют четкой регламентации и определяются в первую очередь неписаными нормами и правилами поведения, личностными качествами и авторитетом ее участников.

Малые неформальные группы складываются из 3 – 7 человек довольно стихийно, в процессе межличностных отношений осужденных. В них состоит в колонии большинство осужденных, сблизившихся вследствие общности взглядов и интересов, взаимной симпатии, дружбы, личной привязанности, сходства установок и ценностных ориентаций, одинакового отношения к различным событиям, ситуациям жизни и быта в ИУ и т. п.

В малой группе осужденный находит людей, которые более опытные и берут на себя роль лидера, морально поддерживают и защищают его, делятся информацией и продуктами, а главное – он находит психологически совместимых личностей. Состоянием субъективной незащищенности индивида пользуются так называемые «авторитеты» из числа отрицательных лидеров, чтобы затянуть неопытного осужденного в свою группу, обещая покровительство и заступничество, используя его для реализации своих интересов или толкая на правонарушение. В малых группах на основе дефектных взаимоотношений формируется состояние ложной защищенности и сопутствующей ей озлобленности на другие группы осужденных и сотрудников колоний и тюрем.

Следует учесть противоречивость в отношениях членов малой группы, зависимых от ее лидера. В случае «обиды», наносимой малой группе осужденных или отдельным ее членам, на выручку приходит вся группа, в том числе и ее лидер. Но если же над отдельным членом группы, чаще физически слабым или больным, издевается более сильный, «куражится» или унижает его, то защиты не будет, а сам униженный или оскорбленный (даже если над ним совершен гомосексуальный акт), как правило, не порывает с малой группой, боясь попасть в еще худшее положение. В такой группе создается лишь

видимость защищенности осужденного от претензий других негативно настроенных в колонии лиц, и в то же время – полная внутригрупповая незащищенность, порождающая черствость, жестокость, культ силы, угодничество, равнодушие. Все это необходимо знать администрации колоний при организации и осуществлении воспитательных и режимных мероприятий в отношении этой категории лиц.

В последние годы, как свидетельствует практика борьбы с преступностью, серьезную озабоченность администрации ИУ вызывает нахождение в местах лишения свободы авторитетов преступного мира, так называемых «воров в законе», которые осложняют оперативную обстановку в подразделениях, оказывают противодействие требованиям администрации ИУ, перевоспитанию осужденных и соблюдению ими здорового образа жизни.

Преступные группировки «воров в законе» возникли еще в царской России. Вынуждаемые социальными условиями жизни, отдельные лица становились профессиональными преступниками – ворами. Характер совершаемых ими преступлений неизменно приводил к созданию преступных групп. Преступники-профессионалы подбирали себе послушных помощников из числа молодежи, психологически их обрабатывали и обучали воровскому «ремеслу», занимая главенствующее положение в преступной группе.

Преступные воздействия и праздное проведение времени членов этих групп породили в группировках свои традиции и неписанные «законы», носившие устойчивый характер, жестоко каравшие их нарушителей. Воры-профессионалы, жившие по законам этих группировок, стали именоваться «ворами в законе», а их группировки – «воровскими».

Совместное отбывание наказания в местах лишения свободы сплотило эту категорию лиц, создало почву для паразитического образа жизни за счет других заключенных, распространения «воровской идеологии» среди них, вовлечения в свои ряды новых членов.

В настоящее время администрация ИУ активно и безуспешно проводит в колониях и тюрьмах определенную работу по разложению воровских традиций и развенчиванию авторитета «воров в законе». Однако они не исчезли, а приспособились к новым условиям. Негативные лидеры трансформировали и изменили свои «законы». Они могут себя не «афишировать», но фактически продолжают паразитировать, вовлекать в ряды своих группировок новых членов, подчинять своей воле других осужденных. «Законники» и сейчас стараются внушить не только осужденным, но и работникам исправительных учреждений, что они являются поборниками «арестантской справедливости», играют в благородство, «разрешают» возникающие конфликты между осужденными, но это нередко приводит лишь к обострению межличностных отношений и даже тяжким преступлениям.

В последние годы наибольшее количество «воров в законе» появилось в колониях из числа лиц, проживающих в республиках Закавказья и Средней

Азии. Поэтому действенной мерой в оздоровлении обстановки в колониях стало их этапирование в регионы с более тяжелыми климатическими условиями, где они не пользуются авторитетом среди основной массы осужденных, и другие воспитательные и оперативно-режимные меры, особенно среди молодых по возрасту людей.

В работе с этой категорией лиц следует знать, что в их среде наблюдается деление на «воров в законе» нового и старого поколения. «Воровская идея» последних основана на преступной личной деятельности, что неизбежно приводит их к многократному пребыванию в местах лишения свободы. Находясь в колониях и тюрьмах, «воры в законе» старого поколения стараются поддерживать «справедливые» взаимоотношения среди осужденных, а также избегать конфликтных ситуаций с администрацией.

«Воры в законе» нового поколения основную цель своей преступной деятельности видят в «добывании» денег, материальных средств и других ценностей. Для признания «вором в законе» этой категории не обязательно отбывать наказание в колонии или тюрьме. В своем поведении в местах лишения свободы они нарушают «воровские традиции», ведут себя дерзко, что приводит к крайнему недовольству спецконтингента («беспределу») и потере авторитета их «воровского звания». Отдельная часть «воров в законе» старого поколения не признает их «воровского титула» в исправительных учреждениях. Это нередко приводит к их психологической несовместимости и преступлениям («при разборках»).

Довольно часты случаи, когда отрицательно настроенные осужденные собираются в больницах ИУ (под видом заболевших, нуждающихся в стационарном лечении) для выработки единой тактики действий и консолидации своих сил. На «сходке» решаются вопросы сбора «общака», отчисления в его пользу выигрыша от игры в карты (10 %), наложения «налога» на «семьи» осужденных, внедрения «козырных» в рабочие бригады для осуществления поборов якобы в пользу «наказанных», «нейтрализации» деятельности формальных лидеров и даже администрации, других группировок, не признанных «воровскими» (которые только злят «мужиков»), справедливость разбора конфликтов среди осужденных администрацией (как правило, это отказы от работы, рукоприкладство начальствующим и контролерским составом) и других случаев, в том числе и летальных исходах среди осужденных по вине (или халатности) медицинских работников исправительных учреждений.

Пенитенциарная практика свидетельствует об изменении скрытых процессов и намерений «воров в законе» и «положенцев» в условиях противодействия им администрации. Поэтому сейчас тактика лидеров осужденных отрицательной направленности заключается в отклонении от воровского толкования понятий и образа жизни «порядочных арестантов». «Вору в законе», «положенцу» сейчас допустимо по прибытии в колонию даже идти на сближение с администрацией (в известных пределах), ибо некото-

рые интересы администрации, «воров» и «положенцев» совпадают (цельность общего котла, недопустимость драк, резни, «беспредела», притеснения «мужиков» и др.). Все это делается для того, чтобы эти лица больше находились в зоне (общежитиях) среди других осужденных («братвы») и своим присутствием могли влиять на скрытые от администрации процессы в коллективах, придавая им отрицательную направленность, нейтрализуя меры воспитательного и оперативно-режимного воздействия на спецконтингент.

Лидеры преступного мира для этого приспосабливаются к требованиям режима отбывания наказания в ИУ, даже отменяя в отдельных случаях ранее существующие «воровские запреты». Но вместе с тем они от преступной «идеологии» не отказываются и скрыто продолжают вести прежний образ жизни как в ИУ, так и после отбывания наказания.

Таким образом, в исправительных учреждениях существует неформальная иерархия осужденных. К первой группе принадлежат осужденные с отрицательной направленностью в поведении (по терминологии осужденных – это «люди»). Их примерно до 5 – 10 % от общего числа. Это наиболее организованная группа. Ее лидеры («воры в законе», «заправилы», «паханы», «углы») имеют высокий авторитет в «семье» и «землячестве» в силу личностных особенностей, большого стажа пребывания в местах лишения свободы, знаний порядков в преступном мире, незаурядных умственных и физических данных. Эта группа характеризуется решительно негативным отношением к требованиям закона, морали общества, презрением к этим нормам, прививаемым человеку культурой, признанием права сильного и применением его в жизни ИУ. Способами вхождения в группу «людей» довольно часто являются голодовки, симулятивные проявления, аутоагрессивные действия, гомосексуальные акты или физическая расправа над активистами и т. п.

Ко второй группе относятся осужденные с нейтральной направленностью (по терминологии осужденных – «мужики»), составляющие в среднем 60 – 65 % от общего числа спецконтингента. В этой группе имеется небольшая прослойка тех, кто тяготеет к «людям» (именно они являются их доверенными лицами, нередко выполняют посреднические функции «неформальных» лидеров). Но в этой же группе есть и другая прослойка, которая тяготеет к «отверженным», т. е. осужденным, которые по статусу значительно ниже других.

Третья группа – так называемые «отверженные». В нее входят от 3 до 10 % осужденных, которые своим поведением, неопрятностью, социальной и психологической деградацией, несоблюдением правил личной и общественной гигиены «опустились» на последнюю ступень иерархии среды и этим самым противопоставили себя основной массе. Эта группа неоднородна и состоит из двух подгрупп. Одна подгруппа включает так называемых «опущенных», т. е. лиц, нарушивших «нормы» поведения, выработанные сообществом осужденных (со-

вершившие кражу в местах лишения свободы, не уплатившие карточный долг и т. д.).

Во вторую подгруппу входят «обиженные», т. е. лица, вовлеченные в переверстные контакты в качестве пассивных гомосексуалистов обманным путем, обещанием покровительства и защиты отрицательных лидеров или изнасилованных ими за нарушение правил поведения сообщества, или расплатившихся таким способом за долги. Обычно в эту подгруппу включают также и осужденных, склонных к гомосексуальным и иным переверстным контактам и занимавшихся ими до отбывания наказания в местах лишения свободы.

К самостоятельной четвертой группе относятся осужденные, которые сотрудничают с администрацией (до 15 % от общего числа). С позиции сообщества, они сами себя отвергли от «общества» и достойны всеобщего презрения. Но и эта группа неоднородна. В нее входят: лица, которые искренне раскаялись в содеянном преступлении и встали на путь исправления; активисты, вошедшие в формальные общественные организации; приспособленцы, нередко получающие определенные преимущества, спекулирующие положением члена самостоятельной организации (последние, будучи разоблаченными администрацией как двурушники, оказываются в затруднительном положении и перед администрацией, и перед отрицательными лидерами); осужденные, нарушившие нормы поведения сообщества и опасющиеся возмездия. Они изъявляют желание стать «активистами», а членство в общественной организации для них является весьма эффективной и реальной защитой со стороны администрации.

Общеизвестно, что измена принятым в среде «людей» принципам ведет к присвоению субъекту эпитета «стукач», а это приводит к тому, что жизнь данной личности становится невыносимой. «Стукач» подлежит изгнанию из общества, а с изгнанником позволено делать все.

Личностной особенностью осужденных нередко является стремление к завоеванию более высокого личного статуса («авторитета») в структуре неформальных объединений («семей»), в которой каждый из них находит удовлетворение своим потребностям. В зависимости от ступени сообщества отмечается и эмоциональный фон в «семьях».

Так, в «отрицательных» семьях сильнее ощущается иерархия, подчиненность внутрисемейных отношений той роли, которую играют «заправилы», «паханы» и «углы». В семьях «нейтральных» взаимоотношения строятся на принципах дружбы, уважения, взаимопомощи, хотя материальные отношения между членами семьи остаются ведущими.

В группе «отверженных» семей как таковых нет, но существуют привязанности, которые недолговечны. На жаргоне осужденных данная группа обозначается как «гарем». Название связано не только с вхождением в это неформальное объединение гомосексуалистов, но и частыми ссорами, конфликтами, скандалами, руганью и пр. Среди «отверженных» иногда появляются «лидеры», как правило, из числа

бывших «отрицательных», оказавшихся в этой группе лиц за нарушение норм сообщества. Они довольно часто пользуются влиянием в колонии, с которым считаются и «отрицательные» семьи.

В недавние времена, когда перенаселенность колоний превышала все лимиты, доля людей этой категории в общей массе осужденных в некоторых местах позволяла администрации даже объединять их в отдельные отряды. Сейчас положение легче: амнистия, гуманные шаги государства, направленные на смягчение условий, значительно уменьшили и эту категорию осужденных. Но проблема осталась.

Отверженный не считается человеком. Разговаривать с ним на равных, угостить сигаретой, оказать помощь или просто посочувствовать в трудную минуту считается по тюремной этике не просто зазорным, предосудительным, а и опасным, поскольку преступивший эти положения «закона» сам может быть причислен при определенных обстоятельствах к низшей касте со всеми вытекающими из этого печальными для него последствиями. Дистанция – вот основное правило общения с отверженными. Глухая внутренняя изоляция – дополнительное им наказание.

Отверженным можно стать из-за невозможности вернуть карточный долг, из-за нарушения целого ряда норм воровской этики: за связь с администрацией, за излишнюю откровенность во время следствия и т. д. Можно влиться в эту касту по собственной воле, вернее, из-за полного ее отсутствия: перестать следить за собой, деградировать, опуститься. Но сколько бы раз впоследствии человек ни оказывался вновь в местах лишения свободы, в какие бы дальние края ни попадал, какие бы «подвиги» не совершал во благо тюремного сообщества, до конца дней не выйти ему из этой касты. Все ведающая «тюремная почта» позаботится о чистоте рядов сообщества. Да и сам отверженный, несмотря на всю унижительность и жестокость своего положения, вряд ли рискнет, даже спустя десятилетия, вновь оказавшись за решеткой, скрыть однажды и навсегда наложенную на него печать: кара будет жестокой и беспощадной. Причем ответственность за содеянное с ним ляжет впоследствии на какого-либо такого же отверженного.

Отверженные – это нижняя ступенька иерархической лестницы, на верху которой восседают так называемые «авторитеты» – воры в законе. Они редко сами опускаются до издевательства над отверженными. За них это делают другие, «выдвиженцы», люди не способные сами стать лидерами и до смерти боящиеся скатиться с завоеванных ступенек. Они при малейшей потере бдительности администрации обирают слабых, чтобы обеспечить благоденствие лидеров, заставляют тех, кто не в состоянии дать отпор, делать за себя работу, перераспределяют в пользу «авторитетов» результаты производственной деятельности. Все это творится с молчаливого согласия серой, разобщенной массы большинства «мужиков», скрывающих под маской безразличия, нейтралитета, невмешательства, даже

своего рода достоинства «трудоги» мелочность души, животный страх за свою «личную шкуру», за свой паек.

Неформальные группы осужденных отличаются высокой степенью устойчивости. Их влияние на нравственно-психологический климат и оперативную обстановку в колониях бывает различным, – от положительного до резко негативного, подчас противодействующего администрации. Они могут организовать расправу над осужденным, оказывающим помощь персоналу учреждения по поддержанию установленного порядка, избить, запугать, «подставить» под администрацию, организовав «кукольник» (кукольник – дезинформация о проступке осужденного, которая поступает из нескольких источников одновременно различным представителям ИУ, причем люди заведомо знают, что вся «компра» собирается в одном месте ИУ – в оперативном подразделении колонии). Неформальные группы могут существенным образом влиять на организацию режима отбывания наказания, отношение к труду, посещение школы, либо профтехучилища, выполнения иных требований администрации колонии.

Как показала практика, неформальные группы существуют в колониях всех видов режима. В местах лишения свободы обостренно воспринимается любая информация о том, что представляет собой тот или иной вновь прибывший этап осужденный, как проявил он себя при задержании, аресте, на допросах в ходе дознания и предварительного следствия, в зале судебного заседания, в ИВС и СИЗО, в пересылке и при этапировании. Ценность любого осужденного, его собственного «Я», складывается в зависимости от вышеизложенных обстоятельств, от того, наблюдаются или нет у него порочные наклонности, опрятен его внешний вид или неряшлив, каковы его интеллектуальные способности, знает ли он правила тюремного общежития, умеет ли он постоять за себя, дружен ли с преступными авторитетами на свободе и в зоне. Осужденные оценивают степень поддержки данного новичка со стороны авторитетов. На заметку берется и то, нарушал ли прибывший нормы поведения той группы, к которой принадлежит, умеет ли вести себя в камере, отряде, с осужденными других групп и «мастей», а также при выяснении конфликтных отношений на «разборках».

Очевидно, что в результате совершения человеком преступления, за которым последовало наказание в виде лишения свободы, оценка его поведения и поступков резко падает, она становится официально отрицательной. Преступное поведение встречает, как правило, нравственное осуждение со стороны общества. Большинство осужденных знают об этом отношении. С одной стороны, они понимают, что наказание за совершенное преступление необходимо и справедливо. Но, с другой – отнесение их к числу преступников вызывает у них психологический протест. В этой ситуации стремление сохранить ценность своего «Я» не уменьшается, а, напротив, может возрастать.

Объединению осужденных в неформальные группы чаще всего способствует жесткая регламентация поведения осужденных во всех сферах их деятельности и обязательное включение их в формальные группы. В местах отбывания наказания осужденный затруднен в реализации своих потребностей, в индивидуализации деятельности, он вынужден поступить так, как разрешено ему правовыми нормами. Например, включение их в отряды или бригады происходит не на добровольных началах и приводит к тому, что осужденный нередко стремится свои дружеские привязанности и симпатии реализовывать в пределах неформальных групп.

Неформальные группы устанавливают для своих членов определенные права и налагают на них конкретные обязанности, которые поддерживаются установившимися традициями, нередко – и принуждением.

Инициатива о помощи обычно исходит от членов малой неформальной группы (друзей, земляков), но организуют ее чаще всего «отрицательные», так как именно они стараются наладить необходимые для этого контакты, согласны пойти на риск и т. п. «Отрицательные» поддерживают порядок, выработанный неформальной группой осужденных, разбирают конфликты между осужденными, приводят к исполнению решения, принятые по поводу нарушения той или иной нормы и т. п. Кроме того, они берут на себя функции изменять и приспособлять групповые нормы поведения осужденных в соответствии с конкретными условиями жизни в местах лишения свободы.

Осужденные, принадлежащие к нейтральной части, должны воздерживаться от совершения поступков, которые не разрешаются нормами поведения, выработанными самими осужденными. Они обязаны сообщать об известных им фактах нарушения этих норм либо персоналу учреждения, либо «отрицательным» в лице «положенцев», «смотрящих» и т. п. «Нейтральные» нередко предпочитают обращаться за помощью не к администрации, а к «своим», к осужденным. Это вызвано, во-первых, тем, что обращение за помощью к администрации считается нарушением нормы поведения, и, во-вторых, разрешение конфликта в своей среде, по их мнению, эффективнее, осуществляется быстрее, признается осужденными справедливым, так как потерпевшая сторона по правилам поведения нередко сама наказывает обидчика.

В отношении осужденных, находящихся в состоянии отчуждения, «изгоев», «отверженных», выработанная в неформальной группе норма поведения превращается в норму-запрет. Помощь им оказывается в порядке исключения, чаще всего, при водворении в штрафной изолятор, помещение камерного типа или при применении другой меры взыскания. В этих случаях они считаются пострадавшими за общее дело.

Одной из детерминант возникновения неформальных объединений и групп среди осужденных является то обстоятельство, что формальные организации, работающие под началом персонала ис-

правительного учреждения, не охватывают всех сторон многогранных жизненных явлений, которые предлагает среда, существующая в замкнутом пространстве, именуемом местом лишения свободы, или исправительным учреждением.

Эта неформальная сторона жизни осужденных оказывает решающее влияние на микроклимат в их среде, строго конспирируется от администрации колонии, задача которой состоит в выявлении и нейтрализации подобных «норм – правил», «норма – запретов», устанавливаемых лидерами преступного мира.

Внешний порядок администрацией большей частью полностью контролируется: подъем, построение, зарядка, завтрак, работа на производстве, воспитательные мероприятия и пр. Борьба с воровскими традициями в колониях ведется давняя и непримиримая, всеми возможными путями и средствами. И от того, кто в этой борьбе окажется сильнее, зависит в каких условиях будет отбывать наказание осужденный – в безопасных, комфортных и правовых, либо в дискомфортных – «по понятиям», где беспредел – это и есть «норма» воровского мира, что «большим» обществом категорически отвергается.

Литература

1. Анисимков, В. М. Тюрьма и ее законы / В. М. Анисимков. – Саратов: Сарат. гос. акад. права, 1998. – 105 с.
2. Баранов, Н. П. Предупреждение и пресечение чрезвычайных ситуаций криминального характера в исправительных учреждениях / Н. П. Баранов: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук; 12.00.08; Акад. упр. МВД России. – М., 2001. – 60 с.
3. Баранов, П. П. Проблема соотношения закона, власти и справедливости / П. П. Баранов, В. Ю. Шпак // Философия права. – Ростов-н/Д, 2001. – № 2.
4. Волкова, Т. Н. Тюрьма: правовое положение некоторых категорий осужденных и лиц, содержащихся под стражей в помещениях, функционирующих в режиме следственного изолятора / Т. Н. Волкова // Труды филиала МГЮА в г. Вологде. – Вологда, 2004. – Вып. 1.
5. Гилинский, Я. И. Социальный контроль в современном обществе: проблемы и перспективы / Я. И. Гилинский // Актуальные проблемы социологии девиантного поведения и социального контроля. – М., 1992.
6. Карклинс, Р. Организация власти в советских исправительно-трудовых колониях / Р. Карклинс // Социс. – 1990. – № 6.
7. Климова, С. Г. Контроль отклоняющегося поведения со стороны государства и общества / С. Г. Климова // Социс. – 1990. – № 10.
8. Кудрявцев, И. А. Предупреждение групповых преступлений в исправительных учреждениях уголовно-исполнительной системы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук; 12.00.08 / Ряз. ин-т права и экономики. – Рязань, 1999. – 26 с.

9. Лелюх, В. Ф. Социальное назначение и реформирование уголовно-исполнительной системы / В. Ф. Лелюх // Факультетские исследования. – Вып. 2: регион: власть, политика и местное развитие: материалы регионал. научно-практич. конф. – Кемерово, 2005.
10. Ольминский, М. В тюрьме: (1896 – 1898 гг.) / М. Ольминский, М. Александров. – М.: Молодая гвардия, 1956. – 167 с.
11. Пругавин, А. С. В казематах: очерки и материалы по истории русских тюрем / А. С. Пругавин. – СПб.: Тип. 1-й СПб. труд. артели, 1909. – 365 с.
12. Рева, И. Русская тюрьма и ее жизнь / И. Рева // Юридический вестник. – 1885. – № 5.; оконч. в № 6/7.
13. Тимофеев, Н. Тюремные порядки / Н. Тимофеев // Юридический вестник. – 1882. – № 6.
14. Шурухнов, Н. Г. Неформальная дифференциация в исправительно-трудовых учреждениях / Н. Г. Шурухнов // Социс. – 1992. – № 7.